

ПРОБЛЕМА ПЕРЦЕПЦИИ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Постмодернизм на протяжении многих лет является предметом пристального научного изучения в различных аспектах. В работах известных исследователей отражается концептуальное осмысление литературной проблематики на формальном и содержательном уровнях теоретических аспектов поэтики постмодернизма. Можно с уверенностью утверждать о высокой степени изученности этого художественного явления, невзирая на неоднозначную трактовку эстетических принципов постмодернизма. Однако вызывает определенную озабоченность состояние современной литературной ситуации постмодернистской парадигмы, широко отражающей негативные доминанты художественного сознания: декларативную асоциальность, дискретность мышления, десакрализацию ценностей и норм (что, в свою очередь, актуализирует проблему восприятия литературы субъектом), необходимость корректировки этого восприятия для наиболее адекватного осмысления художественной реальности и формирования сознания реципиента.

В последнее время значительно актуализировался интерес современных исследователей к рассмотрению сущности постмодернизма и его влияния на духовную жизнь общества, поскольку многие представители этого направления по-прежнему транслируют в своих гипертекстах эстетические возможности, позволяющие читателю вести диалог со многими авторами одновременно, субъективно интерпретируя всех и все. Чтобы быть адекватными вызовам искусства постмодерна, необходимо вскрыть узловые точки его смысловых абберраций, способных отразиться в массовом сознании, когда посаженные в головах интеллигенции зерна нового мышления прорастают и в упрощенном, выхолощенном, а иногда и умело преобразованном виде доходят до масс [8, с. 100].

Нет необходимости напоминать о важности художественного наследия для формирования ценностной системы человека. Тем не менее, существуют социокультурные проблемы, которые затрудняют или вовсе не позволяют ввести произведения мировой культуры в ценностный мир современного человека. Постмодернизм, как известно, характеризуется эстетической апелляцией к цитатам, аллюзиям, кодированию, и все это приводит к тому, что любое произведение превращается в «поппури» из предшествующих текстов мировой культуры. «Полуфабрикатность» постмодернистского произведения является также следствием попыток постмодернизма стереть грань между искусством и действительностью» [10, с. 101–102].

Восприятие такого текста требует определенных интеллектуальных и эмоциональных усилий. Исследователи полагают, что первоначальным компонентом восприятия искусства постмодерна должна быть продиктованная интенциональностью субъекта эмпатическая настройка на восприятие, которую можно охарактеризовать как желание сосредоточиться на художественном объекте. Особенностью данной деятельности является определенный настрой реципиента на декодирование художественного текста, на постижение его сущности. Это требует от реципиента желания отыскать скрытый смысл и значение символов, сопоставить с другой реальностью (жизненной, художественной, виртуальной). Воспринимающий, осознающий собственные мнения и предрассудки, способен

к конструированию смыслов относительно инаковости автора. Отличительной чертой данной способности является многовариантность толкования художественного текста, так как современный художественный текст характеризуется незавершенностью и открытостью [1].

Как ни странно, но ряд исследователей усматривает именно позитивное зерно в подобного рода постмодернистских опытах, анализируя неоднозначное творчество российских авторов, утверждая, что оно как раз и направлено на изменение профетического отношения к писателю, на отказ от слияния жизненной практики с придуманной реальностью. Языковая деконструкция в постмодернистских текстах нацелена на разрушение классических канонов, ограничивающих свободу творческого самовыражения, на обнаружение зон, «свободных от тотальной трансляции абсолюта» [2, с. 293]. По мнению Г. Литвинцевой, В. Пелевин в романе «Омон Ра» осуществляет деконструкцию мнимых, иллюзорных идеалов советской действительности. В произведениях В. Пелевина, В. Сорокина, В. Ерофеева, Л. Петрушевской представлен в «анекдотической, маргинальной форме русский утопизм, вера в кумиров, показана та гниль (в прямом смысле этого слова), которая кроется за высокими словами, раскрываются наши традиционные “вечные” вопросы нетрадиционными средствами, путем использования ненормативной лексики, шокирующих натуралистических и физиологических описаний. В “Голубом сале” писатель деконструирует темы, героев, стили, язык великих авторов в творениях их клонов, с целью освободить язык от “великих нарративов”» [6].

Такое эстетическое оправдание деструктивной линии в художественных текстах вызывает недоумение, принимая во внимание способность литературы воздействовать на самосознание человека. Наиболее полно и разнообразно деструктивные тенденции индивидуального сознания и поведения представлены именно в творчестве В. Сорокина. Воодушевленный эстетикой безобразного в творчестве Маркиза де Сада, В. Сорокин представил на суд читателя поток безнравственной словесной грязи, некрофильства, порногафии, каннибализма, садомазохизма, в буквальном смысле фекализма, что, в свою очередь, заставляет исследователей-литературоведов определить такое творчество «канализационной» литературой и дегенеративным искусством, свидетельствующим только о том, что «грубая чувственность восполняет вакуум эмоциональности, характерной для выхоленной шизоидной позиции». Эстетизация натурализма и эпатажность проявлена и в рассказе белорусского автора С. Календы «Ваніты», текст которого изобилует достаточно подробными описаниями ощущений приступов тошноты и ее физиологическими признаками и последствиями. Навязчивое повествование о подобных рефлексх свидетельствует о психологическом деструктивном сдвиге.

Лексика героев В. Сорокина перенасыщена сексуальными инвективами, нецензурщиной, грубоватым сленгом, свидетельствующими о деградирующем состоянии молодого поколения, художественно воплощенном в «генитальной» литературе. Как считает известный специалист в области изучения психофизиологических аспектов функционирования ненормативной лексики Л. А. Китаев-Смык, «в исторические, переходные периоды у части общества возникает массовая дебилизация. При этом наименее защищенные социальные слои (молодежь и люди с недостаточным образованием) вынуждены использовать эротизацию своей вербальной активности как культурную (антикультурную) защиту. Их речь изобилует словесными протезами – сексуально-скабрёзными

выражениями (как неосознанный протест против социального давления). И, наверняка, не случайно сексуальные образы, послы, считавшиеся еще недавно непристойными (нецензурными) сейчас проникают на экраны телевизоров, на сцены театров, на страницы книг и газет одновременно с нарастающей модой на авангардистское искусство» [5, с. 126]. Безусловно, в реализации эпатажного поведения, деструктивной сексуальности, гипертрофированной ненормативности лексики выражается своеобразный экзистенциальный, социальный и нравственный протест против существующей несправедливости окружающей действительности. Но этот протест носит разрушительный характер в первую очередь для самого носителя протестных интенций, зачастую превращая его в заложника и раба одновременно собственных деструктивных поведенческих моделей, нарушая целостность человеческого бытия.

В исследовательской практике неоднократно отмечается, что процесс художественной перцепции предполагает сотворчество адресата с художником, активизацию жизненного опыта воспринимающего. Восприятие текста требует от реципиента активной творческой позиции, способности к интерпретации, художественному диалогу. Возникает нелепая, комическая ситуация при восприятии подобного рода текстов, какой художественный диалог здесь может возникнуть? Необходимо понимать, что реципиенты с неустойчивой психикой, чрезмерной импульсивностью и склонностью к аффектации могут попасть в информационную (текстологическую) ловушку, что приведет к смещению в их индивидуальном сознании истинных акцентов и социально-нравственных установок, мировоззренческому сдвигу, поскольку художественные тексты в большинстве случаев обладают многосмысловыми уровнями (скрытыми или явными).

Смена социокультурных парадигм, стремительно ворвавшаяся во все сферы жизни, обнажила самую табуированную, предоставив на всеобщее усмотрение сексуальную свободу и разболтанность человека, стремление выйти за пределы нравственности, морали. Сексуальная раскрепощенность, парадоксальным образом, воспринимается (а то и навязывается) как признак истинной внутренней свободы человека, постулируется принцип сексуальной вседозволенности и приемлемости различных сексуальных извращений. В индивидуальном и общественном сознаниях прочно укореняется мысль о том, что быть сексуально свободным, лояльным, сексуально озабоченным – это модно, современно, стильно. Наблюдается гипертрофированный интерес к телесности, человеческому телу, наготы, плоть доминирует над душой, о которой мало кто заботится из тех, кто сексуально одержим. В творчестве А. Глобуса широко представлен комплекс указанных тенденций, сыгравшем, по мнению некоторых критиков, революционную роль в развитии белорусского искусства, если иметь в виду отражение в его текстах («Дамавікамерон», «Літары», «POST SCRIPTUM» и др.) неприкрытой аморальности и непристойности, явной порнографической направленности, что вызывает у исследователей справедливое и вполне объяснимое чувство безгливости и морального осуждения.

В современных текстах отражено поколение однонаправленных индивидов, определяемых современными психологами как генитальный тип, представлены ситуации, отражающие плоский гедонизм, при котором отношения лишены психологической усложненности и каузальности, нет динамики чувств, есть некая констатация упрощенного взаимодействия сугубо на физиологическом уровне, изрядно сдобренного сексуальными инвективами: «... сексуалізацыя

мыслення – адна з прыкметаў постмадэрнай эпохі ... У прыпавесці Ф. Сіўко “Дзень бубна” секс становіцца метафарай унутранай свабоды... Сапраўды, людзі ў прыпавесці выглядаюць носьбітамі нейкай адной функцыі. Нават гратэскна намалёванае грамадска-палітычнае жыццё іх Цюханіі не выклікае ў яе насельнікаў ніякіх эмоцый» [3, с. 116–117]. В подобных художественных текстах моделируется тип усредненного человека, нивелированного и интегрированного в общество с царящей атмосферой потребительства в самом широком смысле слова. За кажущейся эпатажностью, непохожестью, нестандартностью сексуального поведения скрывается тип обычного среднего человека с декларацией узкого принципа «быть как все», с поверхностным отношением к окружающему миру, с однообразием жизненных установок, поступков, лексики и стиля, усиливая ощущения отчужденности и «потерянности».

Вполне закономерно, что в последнее время на смену постмодернизму приходит художественное направление – «новый реализм» (в русской литературе, в белорусской идут активные поиски нового героя), сторонники которого активно противопоставляют искусство драматического оптимизма цинизму и мировоззренческому пессимизму постмодернистского метода. «Аднак паступова сацыяльная стабілізацыя – няхай і адносная – стабілізавала і літаратуру. Ужо ў першае дзесяцігоддзе XXI стагоддзя можна заўважыць, як у нацыяльнай літаратуры паступова “ўраўнаважваюцца” трагізм і аптымізм, завяршаецца жанравая дыфузія, а замест постмадэрновага героя з’яўляецца новы герой» [4, с. 222–223]. То есть проявлена тенденция в художественном сознании, связанная с постулированием идеи доминирования чувственно-эмоциональной сферы в стремлении противостоять тотальной дегуманизации окружающей действительности. Актуализируется морально-нравственная составляющая индивидуального и общественного сознаний, мировоззренческих установок человека, его поведенческих моделей, причинно-следственных связей, гармонизация эмоциональной сферы как основы личной самодостаточности в борьбе с бездуховностью и бескультурностью, Л. Синькова очень точно отметила стремление думающего человека к ценностно значимым произведениям, «што замацаваны грамадствам у высокім аксіялагічным рэгістры. Інстыктыўна кожны адчувае: кругагляд сучаснага чалавека не павінен быць абмежаваны толькі нейкім культурным фаст-фудам ... Літаратура для нас ніколі не пераможа класіку, не зможа заняць яе месца найперш таму, што кожнаму чалавеку наканавана расці і сталець» [9, с. 8–9]. Ярким подтверждением этих констатаций является, как это ни парадоксально, фигура А. Глобуса, который в более зрелом возрасте создает роман «Семья», отражающий цикл миниатюр отрефлексированных раздумий автора о самых дорогих и близких для него людях, которых объединяет такое важное и значимое для всех слово «семья», об ушедших родителях, осознание признания правоты которых приходит гораздо позднее: «...в шестьдесят лет человек гораздо выше ценит многие взгляды своего отца, чем в восемнадцать. А. Мичерлих удачно назвал это “поздним послушанием” ... это выполняет функцию сохранения культуры в целом» [7, с. 428]. Автор, выступающий одновременно в качестве и субъекта, и объекта повествования, актуализирует важный вопрос о значимости межпоколенного взаимодействия и ценности внутрисемейной сплоченности, напрочь отказавшись от прошлых причудливых постмодернистских метаморфоз и нигилистического скепсиса.

Общеизвестно, что постмодернизм предстает и как маргинальное течение, и как элитарное. Представители постмодернизма – это, как правило, высокоинтеллектуальные люди, образованные, наделенные аналитическим мышлением,

художественной интуицией и эстетической проницательностью. Только подготовленная аудитория, знающая язык постмодернизма, способна понять смысл деконструкции и пародии на классические тексты, оценить постмодернистскую игру и иронию. Поэтому исследователи неоднократно отмечали, что диалогические отношения между массовым зрителем и современным искусством отличаются неоднозначностью, часто непониманием, а порой и полным отрицанием. Реципиенту порой трудно проявить сопереживание, получить эстетическое удовольствие, а такое высшее проявление переживания, как катарсис, уходит в прошлое, и неклассическая эстетика отмечает это [1].

Это достаточно сложная проблема, ведь текст рассматривается как встреча двух сознаний (автора и воспринимающего), детерминированных предрассудками, то есть заранее сложившимися мнениями. Автор и воспринимающий обращаются друг к другу с целью взаимного понимания, они сопричастны общей теме, проблеме, но эта сопричастность находится на разных уровнях их интеллектуального и культурного развития. Зачастую именно классическая литература является более восприимчивой для реципиента, поскольку не перегружена смысловыми планами и пустой игривостью симулякрами. Нужно исходить из того, что художественное произведение является способом трансляции смыслов, а художественная коммуникация – средством обращения реципиента к миру автора и его героев, понимания культурного контекста художественного произведения, культурных доминант эпохи, своеобразия личности художника, его миропонимания, мироощущения, его индивидуальности. Поэтому необходимо уходить от примитивной и узкой интерпретации текстов, используя синтезированный подход в глубоком осмыслении художественной литературы, совершенствуя познавательные способности реципиента и его индивидуальное сознание, принимая во внимание аксиологическую, суггестивно-катарсическую, воспитательную функции литературы, ее способность воздействовать на самосознание человека. Здесь на передовой должна быть именно интеллигенция, ибо «калі ж чытач хоча ўсё жыццё заставацца інфантам, выключна звяном у харчовым ланцужку, то гэта яго асабістая праблема. Класічная літаратура тут ні пры чым. А вось інтэлігенцыя – “пры чым”: свяржаць сапраўды вартае належыць у першаю чаргу ёй» [9, с. 9].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беляева, Л. А.* Вызовы искусства постмодерна и современные практики художественного образования / Л. А. Беляева, И. Г. Чугаева // Педагогическое образование в России. – 2016. – № 6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyzovy-iskusstva-postmoderna-i-sovremennye-praktiki-hudozhestvennogo-obrazovaniya/viewer>. – Дата доступа: 12.07.2020.
2. *Берг, М.* Литературократия. Проблема присвоения и переосмысления власти в литературе / М. Берг. – М. : Новое литературное обозрение, 2000. – 352 с.
3. *Кісліцына, Г. М.* Blonde attack / Г. М. Кісліцына. – Мінск : Логвінаў, 2003. – 144 с.
4. *Кісліцына, Г. М.* Культурны градыент : ідэі, маніфесты, кірункі беларускай літаратуры на мяжы ХХ–ХХІ стагоддзяў / Г. М. Кісліцына; [навуковы рэдактар І.В. Саверчанка]. – Мінск : Права і эканоміка, 2015. – 343 с.
5. *Китаев-Смык, Л. А.* Социально-психологические аспекты матерной речи / Л. А. Китаев-Смык // Вопросы психологии. – 2007. – № 6. – С. 120–128.
6. *Литвинцева, Г. Ю.* Российские «национальные метанарративы» в эпоху постмодерна / Г. Ю. Литвинцева // Universum: общественные науки. – 2017. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossijskie-natsionalnye-metanarrativy-v-epohu-postmoderna/viewer>. – Дата доступа: 11.09.2020.
7. *Лоренц, К.* Обратная сторона зеркала. Восемь смертных грехов цивилизационного человечества / К. Лоренц; [пер. с нем. А. И. Федорова]. – М. : АСТ, 2019. – 480 с.
8. *Лукин, А. Н.* Постмодерн: раскрепощение личности и (или) деградация культуры? / А. Н. Лукин // Социум и власть. – 2014. – № 1 (45). – С. 100–105.
9. *Сінькова, Л.* Беларуская “звышлітаратура”: літаратуразнаўчыя і літаратурна-крытычныя артыкулы / Л. Сінькова. – Мінск : Кнігазбор, 2019. – 222 с.
10. *Усовская, Э. А.* Парадигма постмодернизма в культуре ХХ века / Э. А. Усовская. – Минск : БГУ. – 2006. – 126 с.